

СВАДЬБА И ПОХОРОНЫ В ЖИЗНИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

УДК 392.51
ББК 63.5 (2)

РУССКАЯ СВАДЬБА В СЕРЕДИНЕ XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ)¹

КЛАРА ЕВГЕНЬЕВНА КОРЕПОВА

(Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского:
Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23)

Аннотация. Исследование основывается на многочисленных записях рассказов сельских жителей, вступавших в брак в середине прошлого века, записанных фольклористами Нижегородского университета в разные годы. Утверждается, что сформировавшаяся в 1920–1930-е гг. практика оформления брака, сводившаяся лишь к регистрации в органах власти без сопровождения обрядностью, продолжала бытовать и в середине XX в., хотя в народе отношение к данной форме было несколько пренебрежительное, что нашло отражение в народном наименовании регистрации («списались», «записались»). Поэтому при возможности в сельской местности люди старались придерживаться традиции. Традиция, которую хорошо помнили люди старшего поколения, продолжала жить, но претерпела существенные изменения. Из обряда выпали ритуалы коммуникативного характера, предшествовавшие собственно свадьбе: всевозможные встречи сторон жениха и невесты («запой-пропой», хождение к жениху подруг невесты и т. п.). По экономическим причинам выпали ритуалы, связанные с переговорами о материальном обеспечении брака («сговор») и церемонии даров. Непременно сохранялось сватовство в формах, характерных для локальных традиций, благословление родителями (богомолье факультативно), публичное извещение о непорочности невесты и в большинстве случаев небольшое застолье. Новые тенденции в развитии свадебной обрядности наметились в конце 1960-х — начале 1970-х гг. в связи с некоторым экономическим оживлением и появлением в обществе интереса к традиционной культуре.

Ключевые слова: свадебный обряд, середина XX в., Нижегородское Поволжье.

При изучении истории свадебной обрядности внимание исследователей, как правило, привлекали генезис и классический период ее. Период разрушения обрядности, начавшийся в эпоху строительства социализма, проходивший на глазах исследователей, оказался в науке менее изученным. В этом плане представляют интерес материалы из архива Центра фольклора Нижегородского университета, собранные в последние десятиле-

тия прошлого века и в начале нынешнего, — рассказы жителей разных районов области, вступавших в брак в середине XX в., о их собственных свадьбах.

Существенные изменения в свадебной обрядности стали появляться еще в 30-е годы. Они определялись новой идеологией и изменившимися условиями жизни. Так, с закрытием церквей выпало из обрядности венчание, не соответствовали новой идеологии причтания невесты,

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00549.

и они стали не всегда исполняться. Но в целом традиция оказалась консервативной, и в сельской местности обрядность устойчиво сохранялась. Записи, сделанные от женщин, выходивших замуж в 30-е годы, фиксируют обряд в том же виде, каким он был в начале XX в., только без венчания. Ситуация существенно изменилась в 1940–1960-е гг., когда к идеологическим причинам, влияющим на обрядность, добавились еще экономические: страшная бедность после Великой Отечественной войны, всеобщее обнищание. При опросе тех, кто вступал в брак в послевоенные годы, вплоть до середины 1960-х гг., часто собирали слышат эмоциональные восклициания типа: «Не на что было свадьбы-те собирать-то!» (Зап. от А.Д. Обрезковой, 1932 г.р., д. Задорино, Ковернинский р-н, Нижегородская обл.² 2008 г.) [23-D135]. «Какая свадьба?! Где же были деньги, откуда они были — деньги-то?! Ну, вот к вечеру-то соберутся свои, близкие-то, родня-то. Ну, поставят самогоночки там, закусочки. И всё» (Зап. от женщины 1942 г.р., Смольки, Городецкий р-н. 2007 г.) [19-D021]. «Какая свадьба?! <...> После армии я вернулся в сорок седьмом году. <...> Я там жил, невеста — вот тут жила. Вот рядом: вот промеж этих домов. Пришли с матерью, помолились Богу и пошли. И она пошла со мной» (Зап. от Н.Т. Солнышкова, 1922 г.р., Разгуляйки, Борский р-н. 2007 г.) [07-D028]. «У меня не было свадьбы-то. Каки раньше свадьбы были?!» (Зап. от Л.Ф. Соколовой, 1932 г.р., Малиновка, Шахунский р-н. 2006 г.) [74-48, А023]. «Ну, которы были богаче, так делали свадьбу-те, а всё большинство после войны-те ведь чаво... были мы какие! Долго ведь оклёмывались после войны. Ведь бедно жили!» (Зап. от Ф.Н. Беловой, 1932 г.р., Дырино, Городецкий р-н. 2007 г.) [19-D107]. Одна из рассказчиц при назойливых распросах неумелых собирателей-студентов, плохо представляющих послевоенную жизнь и задающих вопросы по опроснику о первом и втором дне свадьбы, о месте первой брачной ночи и т.п., воскликнула: «Да милые! Полно-ка, какие два <дня>?! Ну, в мои-то годы?<Соб.: Спать куда уводили?>

Да никуды! Тут мать, тут мы легли, и всё. Куды мы побежим, в каку баню-то? (В традиционной обрядности данной местности принято было устраивать новобрачным постель в бане. — К.К.). А может, и бани-то нет, так на двор что ли? Сбежалися — это и всё, сошлися» (Зап. от К.Н. Волковой, 1935 г.р., п. Радость, Ковернинский р-н. 2008 г.) [23-D10]. О первых послевоенных годах одна из женщин сказала: «В те годы и замуж не выходили, когда мы росли. Всех парней забрали в армию. Так с кем? Сколько их перепогибло, молодёжи-то! Вот я ни одной свадьбы не помню. Тогда какая свадьба была? Жених да родители придут, договорятся. Не на что было свадьбы-те собирать-то» (Зап. от А.Д. Обрезковой) [23-D135].

Достаточно часто в те годы браки лишь регистрировались и не оформлялись обрядностью, в лучшем случае устраивалось небольшое застолье. «А после войны — никакой свадьбы. Сойдутся и живут. А уж потом начали помаленьку...» (Зап. от А.В. Громовой, 1915 г.р., Черная, Шахунский р-н. 2006 г.) [A022]. «<Соб.: Вы свадьбуправляли?> Я не, мы без свадеб выходили в наше время» (Зап. от Н.С. Шмелёвой, 1933 г.р., Гаврюшино, Городецкий р-н. 2007 г.) [19-D093]. «Никак почти <неправляли>. Не на что ведь было спрашивать свадьбы-те. Ну, сватались, да. И так приводили, и жили» (Зап. от женщины 1923 г.р., Белбаж, Ковернинский р-н. 2007 г.) [23-D021]. «Ну, пришел, значит, мой Савелий Семёныч с матерью, за десять километров пешком пришли. И вот стали сватать, ну мы уж с ним знакомы были так-то. <...> И поженились в феврале месяце. Когда я вышла, сделали бражки. Денег всё не было, делали бражки и выпили. А спрашивали только вот, где он работал, знакомые да мои вот родители, вот так. Только посидели вечерок, и всё. Только посидели, выпили, попели песен. Расписались в сельсовете, зарегистрировали, и всё» (Зап. от М.И. Овчинниковой, 1923 г.р., Понурово, Ковернинский р-н. 2007 г.) [23-D029]. «У нас — так никаких свадеб не было: нечем спрашивать-то — сойдутся и всё. Ну, кто самогонки-то погонят, вечерок сделают.

² Поскольку все записи сделаны в Нижегородской области, далее при указании источника область не называется. Полные сведения об исполнителях указываются при первом упоминании. Все записи хранятся в архиве Центра фольклора Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Ко мне приходили две тётки, после он пришёл. Пришли, спросили: «Нет у вас овечки продажной?». Мама говорит: «Нет, нет у нас лишней овечки, все, все овечки нелишние». — «Да нет, нам вот одна-то понравилася...» Вот и сосватали» (Зап. от К.И. Котовой, 1929 г.р., Мурзино, Сокольский р-н. 2007 г.) [39-D011-2]. «Я женился, у меня никакой свадьбы не было, да. <...> У нас не на что свадьбу тогда было делать. Это бывало у наших отцов еще до войны, правда, еще не знай, какие свадьбы — богатые, небогатые — тоже бедно жили — еще справляли свадьбу-то. А в наше вот время никаких свадеб не было. <...> У меня вот брат женился... У них тоже никакой свадьбы не было» (Зап. от П. Н. Пискунова, 1929 г.р., Малое Зиновьево, Семеновский р-н. 2009 г.) [36-D-007.1].

Но многочисленные рассказы о сельских послевоенных свадьбах, хранящиеся в архиве Центра фольклора Нижегородского университета, показывают, что в сознании людей все же прочно держалось представление о том, что брак должен быть оформлен обрядом и регистрация брака без свадьбы — это явление вынужденное, о таком заключении брака информанты рассказывают всегда с сожалением: «Я невенчана жила... потому что церквей здесь не было... А всё время жалела, что не обвенчались» (Зап. от А. И. Емельчевой, 1918 г.р., Слободки, Сокольский р-н. 2007 г.) [39-D012].

Некоторые церемонии из традиционного обряда тогда при вступлении в брак, даже если свадьба не праздновалась, все же совершались. Исполнение их считалось обязательным и само собой разумеющимся. В числе церемоний традиционного обряда, которые в сельской местности неизменно сохранялись, было сватовство — приход сватов от жениха к родителям невесты с предложением о замужестве. Вопрос о браке в эти годы уже решался самой молодежью, но, сделав предложение невесте и договорившись с ней обо всем, жених неизменно «засыпал сватов» к ее родителям. «Надумал жениться, спрашивала: «Ну, ты пойдешь? Завтра же жди сватов» <...> От своей родни посылаю: «Идите, сватайте Ленку, она согласна», — рассказывал один из информантов (Зап. от И. П. Мозжалова, 1935 г.р., Старая Пустынь, Арзамасский р-н. 2004 г.) [68-31-16]. «Ни одна невеста без сватанья не пойдет», — утверждала

одна из рассказчиц, отмечая значимость данной церемонии (Зап. от М. В. Садимировой, 1935 г.р., Сарабаево, Сеченовский р-н. 2010 г.) [38-D078]. Ту же мысль выразил другой информант, отметив в рассказе о своей женитьбе, что, даже если брак не оформлялся традиционным обрядом, нельзя было обойтись без сватовства со стороны родителей: «А в наше вот время никаких свадеб не было. Позвал мать, и всё, потому что невеста без матери не пойдет, надо обязательно, чтоб мать пришла» (Зап. от П. Н. Пискунова) [36-D007.1].

Форму сватовства старались соблюсти традиционную для данной местности. Так фактически на всей территории Нижегородского края принято было, чтобы сватать ходили родители жениха, с ними могла быть еще какая-либо семейная пара из родственников (крестный и крестная, жениненный брат с женой, тетка с дядей и т.п.). В послевоенное время у женихов часто не было отцов: «...у кого дед был, у кого мать, у нашу-то пору отцов не было — после войны время-ту» (Зап. от В. М. Выбановой, 1939 г.р., Вазьянка, Спасский р-н. 2010 г.) [41-D018]; «сколько их перепогибло» (Зап. от А. Д. Обрезковой) [23-D135], поэтому с матерью шел кто-либо из мужчин-родственников, как бы заменяя отца. Точно так же кто-либо из родственниц-женщин заменял при необходимости мать. Все вынужденные отступления от традиции информанты, рассказывая о сватовстве, обычно отмечают и поясняют: «Свекровь пришла — отца не было, его убили на войне — и сестра старшая с мужем» (Зап. от Н. В. Мавриной, 1926 г.р., Оранки, Богородский р-н. 2007 г.) [04-D012]; «У Бори-то ни отца, ни матери не было. Он пришел с армии, жил у дяди. Тетка с дядей приходили свататься» (Зап. от К. И. Зайцевой, 1934 г.р., Беловское, Чкаловский р-н. 2008 г.) [45-D040]. «И вот приехали они в Ульянково вечером ко мне. Родной дядя, мать и жених — отца не было: отец погиб в войну» (Зап. от Р. П. Беляевой, 1933 г.р., Андроново, Чкаловский р-н. 2008 г.) [45-D033-1, 2]. «Если не было матери, брали из родни какую-либо женщину. Вот ко мне, например, пришли его отец — матери не было, он семнадцати лет остался — и тетя его была. Вот они и были» (Зап. от К. А. Блиновой, 1938 г.р., Шаховское, Чкаловский р-н. 2008 г.) [45-D070]. В крайнем случае жен их-сирота

брал в сваты просто знакомых, соседей: «У нас-то ведь у самих-то свадьбы не было. Вот только пришел <жених> свататься, привел соседку, она своя им была, пожилая уже. У его ни матери, ни отца не было» (Зап. от Ф. Н. Беловой) [19-D107].

Обычно в эти годы сваты уже не придерживались правил ритуального поведения (появления в особой одежде, например, сваха — в большой шали, усаживания под матицу, разговора символическими фразами: «У нас купец, у вас товар», «Нет ли продажной ярочки?» и т.п.). О символических приговорах сватов информанты, чьи свадьбы пришлись на середину XX в., обычно говорят как о прошлом: «Мы к вам пришли невесту посмотреть. У вас товар, у нас купец...» — это всё раньше» (Зап. от Т. Я. Макаровой, 1919 г.р., Булдаково, Арзамасский р-н. 2007 г.) [02-D035]. «Это вот раньше-то: «У вас есть телочка, а у нас вот бычок есть»» (Зап. от Е. И. Шлямовой, Танайка, Перевозский р-н.) [72-13]. Но иногда ритуальный этикет соблюдался. По рассказу Е. П. Скворцовой, 1926 г.р., (п. Ковернино. 2008 г.) [23-D097], родители ее жениха вели себя по старинке: жених приходил к родителям невесты спросить, даст ли она «согласие идти замуж», потом заслал сватов. «Приехали меня сватать с матерью, с братом: “За деревом приехали”, — значит, они говорят («За деревом приехали», «Нет ли продажной молодой сосенки?» — приговоры сватов, характерные для традиции Приузолья. — К. К.). Согласие дала, собрали стол <...>. Этим же вечером меня с приданым собрали и повезли к нему». Свекровь Е. П. Скворцовой встречала молодых в своем доме тоже по старинному свадебному этикету: «...с хлебом, с солью: полотенце берет, ложит хлеб и соль и встречают, не заходя в избу, на улице, у порогу. С иконой. Этой иконой благословляет, и эту икону поцелуешь, тогда и заходят молоды в избу». Е. С. Ежова, 1935 г.р., из д. Дырино Городецкого р-на (2007 г.) [19-D108], мать жениха сватала, сидя под матицей, и пришла в разных сапогах: сером и черном («чтобы дело склеилось»). Но это скорее было исключением из привычной для того времени практики. Неслучайно Е. П. Скворцова чуть не допустила оплошности при входе в дом мужа: «Я вот не знала (про этикет встречи. — К. К.), хотела идти, а мне свой муженек

и говорит: «“Погоди, мать сейчас выйдет к нам, благословит нас”» [23-D097].

Сохранилось в ритуале бракосочетания тех лет родительское благословление жениха и невесты иконой и затем моление как форма закрепления сватовства или зарегистрированного брака, даже при отсутствии венчания. «Приезжали свататься, а потом запишутся в сельсовете. А потом богомоление: значит, обязательно помолятся, хоть три раз перекрестятся и великое дело» (Зап. от Е. С. Ежовой.) [19-D108]. «У нас-то ведь у самих-то свадьбы не было. Вот только пришел свататься. Потом назначили Богу моленье. Он пришел, старик со старухой — вот тут жили, они свои ему были. Ну, и у меня был брат, мать-то да еще крестна моя. Богу помолились. Мы встали на колени, мать икону держала, просим у ее благословления, вот. Благословила она нас, ну, правда, тут вот застолье было, хоть какое-нибудь». (Зап. от Ф. Н. Беловой) [19-D107]. «Мы почти сами сошлись, ну, мать-то приходила, сватали, конечно... Ну, моленъё у нас было. Благословляла тетка, по-крайней тетка Васса. Она благословляла нас» (Зап. от М. Г. Корсуновой, 1923 г.р., Осоково, Городецкий р-н. 2007 г.) [19-D070]. «Прислал сватов — тетку с отцом. Сваты, как полагается, приехали с вином. Как засватали — выпили, помолились Богу, мать благословила, договорились о дне свадьбы — через 3 дня» (Зап. от Г. К. Домоюровой, 1943 г.р., Овечкино, Ковернинский р-н. 2008 г.) [23-D128]). «Венчались раньше, но я не венчана жила, потому что церковей здесь не было. А приходил жених со своим родителям, молились» (Зап. от И. Емельичевой) [39-D012].

Регистрация, которая заменила венчание, по логике должна была бы занять его место и в композиции ритуала бракосочетания. В большинстве случаев так и происходило: невеста и ее родители принимали предложение сватов, следовала регистрация, и молодая переходила в дом мужа. Например, А. А. Кульпина о свадьбе дочери в 1957 г. рассказывала: сваты приходили, после регистрации увели молодую к себе (Чудово, Ковернинский р-н, 1976 г.) [37-12-62]. В то же время нередки были случаи, когда после сватовства и застолья в доме невесты, на котором присутствовала ближайшая родня с обеих сторон, невеста отправлялась в дом мужа,

а регистрация откладывалась. «Как просватали, так мы и пошли к нему... Из деревни, из маминой-ту, к его, к жениху, мы пошли» (Зап. от Е. С. Храмовой, 1924 г.р., Ковернино) [23-D097]. «Согласие дала, собрали стол... Этим же вечером меня с приданым собрали и повезли к нему» (Зап. от Е. П. Скворцовой) [23-D097]. «Никакой мне свадьбы не было. В клуб мы пришли гулять, а он пришел: “Иди домой, мы сейчас с мамой приедем”. Вечером пришли ко мне свататься. Вот и всё сватовство. Посидели опять, родны-те сошлись, человек десять. Вот и свадьба. Как пропали, так я и пришла к нему» (Зап. от К. Н. Волковой) [23-D10].

Официальное оформление брака — регистрация, в отличие от венчания, рассматривалась часто как дело формальное, и отношение к ней было несколько пренебрежительное, что отражалось в бытовавшем народном наименовании регистрации — списаться, расписаться, записаться. Одна из рассказчиц, придавая слову «регистрация» окраску некоторой торжественности, сказала: «Бывало, записывали, раньше была не регистрация — записались» (Зап. от Т. И. Малышевой, 1927 г.р., Гавриловка, Ковернинский р-н. 2007 г.) [23-D002]. В ряде интервью отмечается, что проходила регистрация брака в эти годы буднично. Место регистрации — сельсовет или ЗАГС — выглядели часто непрятливо. Если жених и невеста жили не в центре сельского Совета, то при отсутствии транспорта в зимнюю пору или в осенне-весенне распутье добираться до места регистрации было сложно³. Жительница Борского р-на, выходившая замуж в 1947 г., вспоминает, как ездила регистрироваться в Горький, где жил жених. Добирались до города на грузотакси (грузовой машине, кузов которой был покрыт брезентом и стояли лавки для пассажиров): «ЗАГС — страшилища какое-то. Темнота, полумрак. Зайти страшно» (Зап. от В. Е. Жуковой, 1939 г.р.,

Высоково, Борский р-н. 2007 г.) [07-D026-1]. Характерны рассказы о регистрации: «Сначала богомоленье: молились Богу, благословляли. А потом уж... а потом уж... в сельсовет сходим, в сельсовет. Какие регистраций? Поптора рубля уплатили, сходили пешком, зарегистрировали, и всё» (Зап. от Е. А. Грибовой, 1934 г.р., Ноздрево, Городецкий р-н. 2007 г.) [19-D031]; «Там вот еще раньше колхозы были, когда я замуж выходила. <...> Пришел мой любезный жених, знал, где у меня хранятся документы, взял паспорт и удрал. Потом приходит и говорит: “Пошли!” Я говорю: “Куда?” — “Пойдем со мной!” Ну, пошли, дошли до сельсовета, мне уже там подставляют свидетельство о браке. “Распишись здесь на документах!” Всё, поптора рубля заплатил, и мы муж и жена. И дело с концом. <...> Золовки у меня выходили фактически таким же путем: в сельсовете распишутся, поптора рубля заплатят за бабенку-то, за девочонку-то, и всё» (Зап. от женщины, лет 65. Смольки, Городецкий р-н. 2007 г.) [19-D021]. «Мы венчались. Над нами венцы несли. Батюшка сюда приходил, пел хор. Хорошо женились. А расписались? Сельсовет был в Митрополе (с. Митрополье. — К. К.). Побежали расписываться. А на мне чулки были тоненькие. В феврале, восемнадцатого, пятьдесят пятого года. Он меня за руку взял... Бежим-бежим, у меня коленки мерзнут: “ой-ой”, потрем — дальние побежали. А счас на машинах, да только на импортных. Прибежали расписываться. Не торжественно расписывались... Председатель: “Чё вам расписываться? Вы оба Новиковы!” Моя фамилия девичья и его фамилия “Новиков”. — “Вы не родные?” — “Нет, не родные”. Ну, расписала — всё, поздравила» (Зап. от С. Н. Новиковой, 1932 г.р., Богатиловка, Сеченовский р-н. 2010 г.) [38-D013].

Наряду с регистрацией многие стремились и повенчаться, несмотря на существовавшие препятствия. Как сказала

³ Членство в партии или комсомоле, а также определенные виды работы (в административных органах, учреждениях культуры) налагали запрет на использование в свадьбе и других традиционных церемоний. Когда собираители спросили одну женщину, выходившую замуж в начале 50-х годов, били ли на ее свадьбе горшки, как это было принято в местной традиции, она ответила: «У нас не было: я тогда была секретарем комсомольской организации в артели. У нас как-то было строго» (Зап. от Р. П. Беляевой) [45-D033-1, 2]. Другая, рассказывая о своей свадьбе в 1947 г. заметила: «Но показывать белье — приданая — у нас было можно. Белье показывали, что невеста привезла — приданая» (Зап. от В. Е. Жуковой) [07-D026-1].

жительница д. Овечкино: «Утайкой у нас все равно и венчались, и крестились» (Зап. от Г.К. Домоюровой, 1943 г.р., Овечкино, Ковернинский р-н. 2008 г.) [23-D128]. Венчались иногда спустя достаточно продолжительное время после регистрации, когда представлялась возможность: «...записались, венчаться позднее ездили в Горький, живши венчались» (Зап. от Т.И. Малышевой) [23-D002]. «Вот венчались, уж жёнаты были, <...> тогда уж церкви-то все разрушили» (Зап. от Г.Г. Исаевой, 1935 г.р., Верхнее Талызино, Сеченовский р-н. 2010 г.) [38-D031]. Ездили, а часто ходили пешком за десятки километров в одну из немногочисленных действующих церквей или ездили в областной центр, обычно тайно: «Раньше-то церкви еще не было. Все закрыты были церкви. Венчались все втихаря» (Зап. от И.А. Ивонькиной, 1937 г.р., Чернильниково, Чкаловский р-н. 2008 г.) [45-D092]. «После мы венчались в церкви, церковь была вот в этом... Дресвищи. Здесь церквей-то не было. Вот в Дресвищи только была действующая церковь. И вот мы там ходили венчаться, пешком сорок километров» (Зап. от Е.Г. Любимцевой, 1930 г.р., Гавриловка, Ковернинский р-н. 2007 г.) [23-D001]. «Венчались. Пешком ходили, все церкви закрыты были, не было службы. А от нас километров 50, наверное, село было. Там не закрыта была церковь. Так пешком ходили, ни на чем туда не проедешь было» (Зап. от М.В. Втюриной, 1922 г.р., Ошминское, Тоншаевский р-н. 2010 г.) [42-D048].

Препятствием служило не только отсутствие поблизости церкви, но главным образом официальное осуждение факта венчания или даже преследование за венчание. «А можно было венчаться в советское время?» — спросили собиратели Е.Г. Любимцеву «Нет, нет. Было ругались, запрещено было», — ответила она (Зап. от Е.Г. Любимцевой) [23-D001]. «У нас вот ребятки кое-кто ездили — венчались. Виталий, Степан, Юра — они венчались. А мне венчаться нельзя было, я был член партии. Попробуй, узнают, так сразу выговор и выбросят из партии. Так что мы не венчались», — объяснял один из информантов, почему они с женой не венчаны (Зап. от В.П. Жаркова, 1931 г.р., Старцево, Городецкий р-н. 2007 г.) [19-D089]. А одна из женщин на вопрос о венчании, заданный собирателем в 2009 г., ответила

с некоторым недоумением: «Како венчанье у нас?! Церква запрещёна была! Како венчанье?! Только регистрация в сельсовете» (Зап. от Г.А. Михайловой, 1941 г.р., Федосеево, Городецкий р-н). Супруги Ивонтьевы рассказывали: «Я работала секретарем в сельском совете. — <Муж:> Я бригадир. — Оба были комсомольцы, а бабушка то у нас была более-менее набожная. У нее тетка жила в Горьком Она говорит: “Я сейчас договорюсь там в церкви, приедете ко мне и венчайтесь”. Мы с ним доехали до Горького, венчались в церкви. <Муж:> Никто не знал об этом. Если бы узнали, ее бы выгнали с работы, меня бы из комсомола» (Зап. от И.А. Ивонтьевой, 1937 г.р., и В.К. Ивонтьева, 1937 г.р., Чернильниково, Чкаловский р-н. 2008 г.) [45-D092]. История Ивонтьевых знаменательна еще и тем, что бракосочетание их собирались освещать в печати как образец советской свадьбы: оба закончили здесь школу, жених был знатным человеком — участник освоения целины, бригадир, передовик производства и т.д. (по словам Ивонтьевых, очерк о свадьбе был затем опубликован в журнале «Огонек»).

Как отмечают рассказчики, отсутствие венчания или даже свадьбы в их жизни не повлияли на прочность брака: «Мы почти сами сошлись. А жили сорок почти годов без скольких-то месяцев» (Зап. от М.Г. Корсуновой) [19-D070]. «Свадьбы не было у нас. Так живем, девчонки. Вот. С пятьдесят четвертого года. Детей воспитали, слава тебе, Господи. Четверых внучат. Да правнуков. Золота свадьба <была>, проводили дети, приезжали, привезли всего» (Зап. от К.И. Зайцевой) [45-D040].

В послевоенные годы, конечно, иногда игрались свадьбы и по традиционному сценарию. Традиционную обрядность хорошо знали родители женихов и невест, так как сами вступали в брак еще в пору активного существования традиции. Но жизненные обстоятельства вынуждали вносить в известный им сценарий существенные изменения. Во-первых, обряд неизбежно редуцировался, выпали в основном некоторые церемонии предвенчального этапа, готовящие переход невесты в новое половозрастное и социальное положение: прощание с красотой и соответственно причитание и песни по этому поводу, и само венчание. Так, женщины

обычно рассказывают: «Нет, я не певала вот эти сговорёнки и не причитала»; а горшки били и «мелочь кидали, молодых в баню возили» (Зап. от С. А. Мухлаевой, 1940 г.р., А.И. Смирновой, Степаново, Ковернинский р-н. 2008 г.) [23-D095]; «Я и не плакала. Ну, это поранье было, это поранье нашего... Вот, это у меня была свадьба: пошли девчонки с рубашкой, с занавесками, их угостили, они с женихом: “Давай мыло, веник невесту парить”. <...> Им дали веник, мыло, они всем селом с этим веником или, махали. А уж домой-то пришли, меня давай хлыстать этим веником. Постель к жениху везли» (Зап. от В.И. Новиковой) [38-D013]. Обычно не проводились пиры между сватовством и днем венчания, выпадал, например, в южных районах области запой как отдельный пир, в северных районах — девичник («Мы вот выходили, не делали, а еще раньше-то делали девичники, как просватают. Собирали девок пировать и парней — это был девичник» (Зап. от И Емельчевой) [39-D012]. Выпадали встречи сторон — церемонии коммуникативного характера (приход матери жениха к невесте «с пирогом» в южных районах, хождение подруг невесты к жениху «мерку снимать», «по пиво», «по свечку», «жених глядеть» и т.п.). В южных районах края из множества коммуникативных ритуалов, предшествующих венчанию или позднее регистрации, прочнее всего оказался ритуал, связанный с хождением девушек к жениху «занавески вешать». Поскольку в послевоенных условиях приобрести занавески было сложно, делать их стали бумажными — вырезали из газет и такие занавески носили от невесты в дом жениха: «Купить занавесок у меня не было... <на что?!" (Зап. от А. В. Торговой, 1934 г.р., Скрипино, Сеченовский р-н. 2010 г.) [38-D074]. «А занавески вешали в дом, двое занавесок обязательно надо. Накануне свадьбы где-то вешали» (Зап. от М. В. Садимировой) [38-D078]. «Занавески обязательно! В войну занавески невеста вешала, из газет вырезали! Знаешь, какие красивые узоры? Да, из газет были» (Зап. от Г.Г. Исаевой) [38-D031]. «Вешали — это потом уж, а сначала то занавесок никаких не было: вырезки из газет были» (Зап. от Е. И. Лихачевой, 1926 г.р., Верхнее Талызино, Сеченовский р-н. 2010 г.) [38-D061]. Во-вторых,

сокращалась временная протяженность обряда за счет стяжения некоторых церемоний: например, сватовство, сговор и пропой совершались сразу в один вечер, а приезд жениха за невестой назначался на ближайший выходной день, или даже жених сразу после сватовства и застолья уводил/увозил невесту к себе, и в его доме разворачивались церемонии после брачной ночи.

Существенные изменения касались тех церемоний обряда, которые были связаны с экономическими затратами. Так, в традиционной свадьбе обычно после получения от родителей невесты согласия на брак начинался сговор — переговоры о материальном обеспечении сторонами брака: договаривались, ладились, рядили кладку с женихом, норму, приданое, дары с невесты. В локальных традициях края вопрос о материальных взносах сторон решался по-разному: на территории Правобережья особое внимание уделялось кладке жениха, включавшей одежду невесте и деньги ее родителям, в Заволжье брали с жениха выговор, деньги на стол, но значительно большее значение здесь придавалось дарам невесты. Преимущественно на юге края принято было брать с невесты норму — хлеб, продукты на прокорм до нового урожая. То есть в той или иной форме хозяйственные переговоры в составе сговора были везде. В послевоенное время при всеобщей нищете ни с женихом, ни с невестой обычно брать было нечего, и рассказчики, как правило, это отмечают. «Свадьбу-то делали, надо договариваться, на сколько человек. Мы не сговаривались. У него матери не было родной, умерла, а у меня папани-т не было: он на войне погиб. Бедно жили. Кой уж чаго... В каком... пятьдесят шестом году. Всё плохо» (Зап. от М.П. Клющенковой, 1932 г.р., Ратманово, Сеченовский р-н. 2010 г.) [38-D023].

В то же время родители невесты и сама невеста испытывали чувство неловкости оттого, что выходила дочь бесприданницей или не вносили за нее норму. Об этом женщины помнят до сих пор и вспоминают с горечью или с благодарностью за понимание со стороны родителей жениха. «Свекор приходил, свекровь приходила, ну еще кака-то тетка, вот трое ко мне приходили. Вот на третий раз я согласилася. <...> Я говорю: “У меня денег нет, нечем

свадьбу гулять...” И папаша сказал: “Ну, мы тебе, Валинка, сделаем”. И жила больно хорошо. Девичника не было, не было. Меня так, по-бедному” (Зап. от В. К. Низовой, 1928 г.р., Чистое, Чкаловский р-н., 2008 г.) [45-D062]. «Мы ходили вот Валю сватать... Папаня, маманя, я с ними ходила девчонкой и тетя Лида. Мать невесты (она троих растила одна), спросила, что надо с нее. Наши папаня только сказал: <...> “Что есть у нее <невесты> — она не оставит. А чего нет — будут жить, будут работать и наживут”. <...> Мать повеселела, сразу тут стол накрыли, стали договариваться, когда свадьба...» (Зап. от Г. И. Ушаковой, 1935 г.р., Филинское, Вачский р-н., 2007 г.) [11-D024]. «Вот меня сватали в двухэтажный дом. А мы сестру накануне-то выдали. Мама говорит, что придано-то у ей — нетничё: мы год назад только сёстру выдали, дочь выдали. Она, сваха, говорит: “Намничё не надо”. Говорит: “...надо <только> занавесок — двухэтажный дом-от”. А раньше мода была: шали пензенские были <...>. “И шали-то, — говорит <мама>, — у ей нету”. — “Ну, можно в шапочке — нынче ходят”. Ничё не спрашивают. Вот такие дела». (Зап. от А. И. Рукавишниковой, 1935 г.р., Пурех, Чкаловский р-н. 2008 г.) [45-D077]. Другая женщина вспоминает, как мать в 1946 г. расплатилась за нее с жениховой стороной трудоднями, которые обычно почти не оплачивались: нечего было дать, и она отдала 150 трудодней в качестве нормы: «300 трудодней я заработала, вот 150 — им, туды» (Зап. от М. А. Скобликовой, 1922 г.р., Веригино, Арзамасский р-н. 2008 г.) [45-D077].

Прочно сохранялось в сознании людей представление о том, что невеста должна выходить замуж обязательно с постелью, постель составляла основное приданое, и родители или сама невеста старались любыми усилиями ее справить. Постель в эти годы включала матрас, обычно набитый соломой, пару подушек и одеяло, часто самодельное, в лучшем случае — связанный невестой подзор и занавески. Ни простиней, ни тем более пододеяльников в эти годы не было (их, впрочем, не было и в предвоенные годы). «Да вот, бывало, придано-то было в моде-то. А когда я вот уж выходила, тык никакого приданого... это не было. Уж как стали вот маленько поразживаться, так уж все

и купили. И шифонеры, и кровати, и подушки, и одеялы, и всё появилось» (Зап. от А. Г. Пашковой, 1927 г.р., Большое Зиновьево, Семеновский р-н. 2009 г.) [36-D020]. «Приданое какое, милок, было? И на себе-то было не больно чаво... Мне вот сестра дала обложку после соломы на постель. Шикуй тута. Такой тут тряпки-то не было! Бедно тогда было» (Зап. от А. И. Смирновой, 1930 г.р., Степаново, Ковернинский р-н. 2008 г.) [23-D095]. «Постеля была у меня вот соломой набита. Сходили на ток и вот свежей-то соломой набили. Она пышная, солома-то. Ну, две подушечки вот мама купила мне. Да, простиней не было никаких. Занавесочки вот к окошкам. Вот тут, это Боженьке-то занавесочку-ту» (Зап. от Е. Т. Коноваловой, 1928 г.р., Савино, Борский р-н. 2007 г.) [07-D036]. Эта же рассказчица о том, как добывала себе приданое: «Сама себе приданое-то покупала: поехала с санками, с большими... дровами возили на которых. Поехала в Нижний, топер — в Горький. Купила там одеяло, две подушки и сундук и засунула это всё приданое в сундук. И пешком. И пешком до самого Нижнего. Шли пешком. А зимой... По Волге тоже пешком. И вот купила, привезла. Вот теперь придано. Занавески связала сама. Кружёва научилась вязать. Коленкор купила мама, и сиили занавесочки. Вот и всё» (Зап. от Е. Т. Коноваловой) [07-D036].

Иногда, обе стороны, соблюдая традицию, все же вели хозяйствственные переговоры: «Тогда беднота была, после-ти войны, но все равно выговаривали с жениха и невесты» (Зап. от М. А. Рябовой, 1929 г.р., Нарумовка, Арзамасский р-н. 2004 г.) [68-43]. Иногда даже активно торговались, хотя заранее было ясно, во-первых, что взять с другой стороны нечего, а во-вторых, что брак все равно состоится, потому что молодые всё уже решили. О таких случаях рассказала женщина из с. Филинское: «А с меня вот много спрашивали, добренько... Пришли часов в 12 сватать. И кто чего: “У тя машиночка-то есть?” — “Чего? Да я шить-то не умею!” — “А у тебя пальтецо-то есть?” А у меня висело вот как раз в избе на гвоздке пальто, я грю: “Вот и в пир, и в мир, и в добры люди. У меня больше нет”. Там еще кто-то чего-то спросил. Я подхожу и говорю: “Мам! Я их сейчас выгоню!” А тетя Фая-то: “Выгони,

выгони, Лидка! Черт с ним...» А девки уж с туфлями там стояли — плясать-то (на пропое). Жених (он на 5 лет старше был) сказал: «Я тебя в одной рубашке возвьму». И всех раньше так сватали! Придано надо, вот им придано надо!» (Зап. от Г.И. Ушаковой, 1935 г.р., Филинское, Бородский р-н. 11-D024, 2007).

Ситуация приобретала комический характер, когда обе стороны легко соглашались поставить то, что требовалось традицией, хотя обещание в данных условиях было абсолютно невыполнимо и обе стороны это знали. М.В. Садимирова до сих пор помнит и рассказывает, как таким образом ее односельчанка рядила себе кладку с жениха (она была круглой сиротой, и сваты вели переговоры непосредственно с ней) и взаимно обещала жениховой стороне полагающиеся с нее дары: «А Саньку Крючкову сватали, мы подглядывали. Она сватам: «Пальто купите?» — «Купим». — «Ботинки купите?» — «Купим». А они: «Рубашку, эт майку, носки...» — «Эт уж я знаю — куплю». А мы все слушаем... Насулили всего. Они ушли, она говорит: «Вот хочешь, не хочешь, чтоб я те купила, а где я возьму, а?» У ней ни отца, никого» (Зап. от М. В. Садимировой) [38-D078].

Интересны рассказы, в которых отразились представления тех лет о богатстве невесты: перина у невесты, а не матрас, набитый соломой, — уже богата: «...у меня перина была, я еще богата была» (Зап. от Ф.Н. Беловой) [19-Д107]. Если несколько шалей в приданом — это уже у родни жениха и его односельчан вызывало подозрение: «Белье показывали, что невеста привезла — приданая... Когда постелица (свадебный чин: женщина, отвозящая жениху приданое невесты. — К.К.) поехала — увозили приданая — она всё показала. У нас очень много шалей было, потому что бабушка умерла, и маминых очень много. «Куда это со всей деревни шалей собрали!» <говорили его родственники>» (Зап. от В.Е. Жуковой) [07-D026-1]. Ну а если у невесты платье крепдешиновое и, кроме пальто, есть еще плащ, а в приданом пододеяльники и накидушки — это богатство невообразимое: «Про меня вот говорили учителя в школе: «Не было невесты богаче и не будет». У меня и зимнее было, и плащ. Вот у меня у первой три покрывала были, два теплых

одеяла, пододеяльники. У первой! Не было еще пододеяльников. Накидушек ни у кого не было — у меня четыре было. У меня в Иванове тетка жила, они в магазинах работали, вот это мне прислали. Вот и платье крепдышиновое. Венчались, а я в крепдышиновом... Вот и говорили, что не было богаче и не будет» (Зап. от женщины, 1941 г.р., Княжуха, Сеченовский р-н. 2010 г.) [38-D056].

Фактически выпала из свадебного обряда в эти годы церемония даров. Дары, как известно, в традиционной свадьбе занимали важное место и специально обсуждались на сватовстве. В нижегородских говорах богато представлена народная терминология, обозначающая свадебные дары: сырьи, сырьи кланять, садиться на сырьи, в ногах лежать, на поклон ложиться, с тарелкой стоять, заслонку тянуть и др. Развитость ее говорит о значимости самого ритуала дарения и многообразии его форм. В послевоенное время дарить было нечего. «Никаких подарков тогда не было. Каки подарки!» (Зап. от Е.Т. Коноваловой) [07-D036]. «А дарить-то нечего было! Плохо жили» (Зап. от В.С. Лариной, 1927 г.р., Акаты, Шахунский р-н. 2006 г.) [74-54, А-29]. «Да нам не на что было дарить-то в войну-ту! Как война-то кончилась, так и хлеба есть-то не было, не то бы подарки дарить» (Зап. от А.В. Карповой, 1929 г.р., Потёmino, Борский р-н. 2007 г.) [07-D003]. «Я вот тогда никому ничё не дарила, нечего было» (Зап. от Е.Д. Абрамовой, 1925 г.р., Слободки, Сокольский р-н. 2007 г.) [39-D012]. «Ничаво тогда не дарили, нет. Сейчас дарят, а тогда — нет, нет» (Зап. от В.И. Новиковой) [38-D013]. «Нынче дарят молодым, а раньше-то дарила молоды. Свёкрови, свё кру, там, золовки есть — им дарили. Полотенцы, <...> полотенцы и кому чего. Я уж выходила, такничё не дарила, выходила в сороковом году, уж мы этогоничё не достали. Не дарили тогда» (Зап. от И. Емельяновой) [39-D012]. «Невесты всем дарят, у нас такой обычай. Ну, кому чего. Кому платок, кому чего. Тогда эти подарки всё были бедные. Девчонки, если маленькие, — им ленты в косы, платочки им, маленьким детям» (Зап. от Г.Г. Исаевой) [38-D031].

Иногда в составе обряда сохранялась церемония одаривания молодых, но она не имела или почти не имела материального

наполнения, т. е. дары были фактически фиктивными. По рассказам одной женщины, когда ее мать в послевоенные годы выходила замуж, «...ей на свадьбу подарили кусок мыла...вот и полметра ситцу — всё» (Зап. от Т. Л. Лаптевой, 1949 г.р., Оранки, Богородский р-н) [04-D012]. «Раньше договаривались, что рубашку жениху от невесты, а жених платье. Есть деньги, так кольцо купят, платье какое. А тогда мы не покупали. Купить занавесок у меня не было <на что>, эх!» (Зап. от А. В. Торговой) [38-D074]. «Ой, какие подарки?! У меня и сейчас лоскут лежит, кто-то подарил два метра на кофту, шелк какой-то. Чулки дарили, вот, кто чулки, кто какой-то лоскутик дадут. А денег-то не было, там тарелочки или блудечки ли какие — вот все подарки были» (Зап. от А. А. Рахиной, 1937 г.р., Верхнее Талызино, Сеченовский р-н. 2010 г.) [38-D045]. «На поклон ложились (так в местной традиции называлась церемония даров молодым. — К. К.): в угол вставали — в тарелку кто сколько положит. Ложить нечего было. Ну, рубль-то — это уж родные ложили. А чужие-то <...> ну, хто платок (ну простой), полушишечек (простой совсем), два метра ситца. А председатель колхоза говорит: “Два пуда, пуд пшаницы всем”» (А председателя приглашали на каждую свадьбу.) И всем так — “пуд пшаницы!” А не давал ничего, никакой пшеницы. Пуд пшеницы — смеялись» (Зап. от С. Н. Новиковой) [38-D013]. «А каки были свадьбы?! В наше время молодежи совсем почти не было... Пришли старухи, одна трешиник ставит, другая пятерку дает — вот каки свадьбы были! Всю свадьбу прошла — и девяноста рублей насобирали. Ну, щас ведь тысячи, а ведь раньше чего? Ведь денег-то никаких не получали. Если и получали, то рублей 8–10. Чё она даст? Придет, даст только трешину да поздравит. Большие ничего. И на стол-то не вот тебе закуски...» (Зап. от В. Я. Середневой, 1931 г.р., Городище, Борский р-н. 2007 г.) [07- D065].

Сходным образом складывалась ситуация с выкупами. Ни в одном из рассказов нет упоминания о выкупах по приезде за невестой, наоборот, говорят, об отсутствии этих выкупов. Например: «...я когда выходила, никто ничё не выкупал. Это вон уж девчонок выдавала, так вон стояли у крыльца-то, верёвками загораживали,

да чтоб деньги жених давал. А я выходила, у нас ничё не было, не было, не было. В те времена не было у нас этого. Тогда уж, милая, ничего не было, бедно у нас было. О-ой, ничего не было», — сказала одна из рассказчиц. Если девушки относили жениху постель невесты, то по традиции выкуп требовали. Расплатиться жениху было крайне сложно: «Постель привезли, а жених должен выходить выкупать постель. У жениха не было и денег-то ни копейки. И тогда ему Наташа, ну, она ему своя, ему дала пятнадцать рублей, чтобы он выкупил, а потом эти деньги он ей обратно отдал» (Зап. от Ф. Н. Беловой) [19-D107]. Иногда у жениха-колхозника не было денег даже на регистрацию. «...Записываться пошел — пятнадцать рублей брали (за регистрацию. — К. К.). У дяди просил. Зарплату-то не дали еще» (Зап. от К. И. Зайцевой) [45-D040].

После сватовства в традиционном обряде обычно обсуждались «столы», «столованье», т. е. застолья: сколько будет столов, будут ли, например, угощать приехавших за невестой. Так, в с. Большое Туманово Арзамасского р-на сваты спрашивали у родителей невесты: «Со столом что ли будете просить?», т. е. будут ли они просить деньги с жениха на угожение [21-9-31; 1961]. Договаривались, сколько будет с каждой стороны приглашенных и как будут стороны делить расходы («угождения — всё обговаривали»). В послевоенные годы эта церемония на сватовстве, как правило, отсутствовала. Застолья были немногочисленны, собирались только ближайшая родня, угождение выставляли по возможности, и была на столе самая обычная повседневная пища. «И на свадьба'х-то закуски-то, милой, никакой не было. Нечего было. Капуста вилкова была, огурцы, а морковь терли, ее в печи парили — это заместо икры ели, делали икру» (Зап. от женщины, не назвавшей фамилию, Сущево, Лысковский р-н. 2008 г.) [29-D005.2]. «Сестра выходила. После войны, еще больно-то хорошо не было. Из картошки вон эти пироги пекли. Ну, это муки маленько, картошки. Щас вон-вон сколько чаво на столах-то, а раньше-то: капуста там, помидора, огурцы, картошка» (Зап. от А. Я. Зубковой, 1930 г.р., Верхнее Талызино, Сеченовский р-н. 2010 г.) [38-D044]. «Родственников только собирали.

Да самогонки нагонят, да семечек накалят, да лепёшик напёкут. Наставят на стол — вот и свадьбы были. Вот каки свадьбы-ти были» (Зап. от Е. А. Грибовой) [19-D031]. Храмову Е. С., 1924 г.р., выходившую замуж в р.п. Ковернино в 1946 г., жених увел к себе в тот же вечер, как посватал, а закуску для свадебного застолья принесла мать невесты на другой день — «наутре», и вся закуска уместилась в корзинку: «*А мама-то пришли уж наутре, в корзинку собрала закуски: там самогоночка, там и бражка была, капуста, огурцы*». Одна из рассказчиц вспоминала, как на ее свадьбе шло поздравление молодых: каждому участнику подносили стакан, тот поздравлял, если мог, что-либо дарил и закусывал тем, что было на столе (церемония, заменившая традиционную «продажу пирога». — К. К.); закуска убывала, и становилось ясно, что молодым еды уже не достанется. Родственница пожалела их и принесла кой-что из дома: «*Вот покуда обходют, на столе ни фига не останется — закусить-то нечем. Плохие года были. <...> Моя тетка глядела-глядела, пошла домой, несет нам два яйца и булку: «Иди сюда, закусите с Мишней-то, закусывать у вас нечем, там на столах нет ничего»*» (Зап. от С. Н. Новиковой) [38-D022].

Про традиционную обрядовую пищу (она в нижегородских локальных традициях была разной: курник, каравай, рыбник, кокуры, лепешки «доспехи», пирог «советник», лапша и др.) никто из рассказывающих о свадьбе тех лет не упомянул, вероятно, в те годы ее на свадьбе не было, как и церемоний, с ней связанных (дележка каравая/курника, ломания кокур, «распутывания лапши» и т.п.).

Сpirтные напитки изготавливали сами, поскольку денег на трудодни колхозники не получали. Жительница Чкаловского р-на рассказывала, как о знаменательном событии в жизни деревни, о своей свадьбе в 1957 г., на которой впервые после долгих лет была водка, а не самогон или брага: «*У некоторых, вот у Нади, так у нее только одна брага, но у нас была одна водка, потому что тогда в колхозе первый раз в жизни дали денег, да! И вот тогда у нас была водка!*» (Зап. от Р.П. Беляевой) [45-D033-1,2]. В рассказах информантов в качестве спиртного на свадьбах тех лет обычно упоминается брага и самогон, свадебным

напитком был также квас. «*Это счас поили вино, а раньше браги делали, квас, кваса, кваса хлебные, браги. И гулял народ*» (Зап. от А. М. Еськина, 1929 г.р., Назаровка, Сеченовский р-н. 2010 г.) [38- D016]. «*Бражка была, ну уж винца-то буде по стопочке подадут, а то всё брагу пили*» (Зап. в Шадрино, Ковернинский р-н.) [23-D044]. Многие отмечают, что в те годы была иная форма угощения спиртным: спиртным хозяева «обносили» участников застолья, т. е. спиртное было в распоряжении одного человека — хозяина или дружки, и он подавал с подноса каждому рюмку (стакан) или наливал каждому в его посуду, регулируя так потребление. «*До пьянки-то не поили, на подносе подавали, не то что теперь: вина наставят, и каждый сам наливает, а тогда поднос, на подносе приносили*» (Зап. в Шадрино, Ковернинский р-н.) [23-D044]. «*Вино подносил подношатель — кто подносит вино: или брат какой, или дядя угощат. А сейчас не то, сейчас не подносят, сейчас ставят на стол и стаканы, и бутылки, и лимонад. Ковшик целый подносили, и подносили чайными стаканами, а не маненькими*» (Зап. от А. И. Фроловой, 1913 г.р., Переезд) [72-11, 2005, A039]. В послевоенные годы в деревне иногда было сложно найти для свадьбы стаканы — в обиходе были алюминиевые кружки. По рассказам жительницы с. Богатиловка, во времена ее свадьбы села набиралось «*всего два стакана, и три стакана само много. Наливают, вот выпили, значит, наливают и уже следующим дают*» (Зап. от С. Н. Новиковой) [38-D022].

Рассказывая о регистрации, информанты обычно не говорят об одежде, поскольку в сельсовете или ЗАГСе не раздевались, и потому в холодное время года жених и невеста могли быть в обычной верхней уличной одежде, в теплое время — в лучшем из обыденной одежды. Особого венчального платья у нижегородских крестьянок не было и в XIX в., венчались в одном из своих лучших сарафанов, в середине XX в.— в лучшем платье, если была возможность, шили новое платье, самое обычное. «*Я выходила, ситцево платье новенько вот, свежее платье наденешь. И парень в такой же ситцевой рубахе пришел, костюмчик простой*» (Зап. от А. Я. Масленниковой, 1931 г.р., Малое Зиновьево, Семеновский р-н. 2009 г.) [36-D007]; «*Не покупали ничего. Новое платье*

сошьют какое нито и оденет» (Зап. от З.А. Соколовой, 1935 г.р., Мурени, Ковернинский р-н. 2008 г.) [23-D0090]. «Выходила замуж-то, двадцать четыре года мне уж было. Тоже без матери, без отца. У меня иничаво не было, и наряда-то не было, и венок не надевали» (Зап. от А. Я. Зубковой) [8-D044]. «Фата? У кого была, у кого не было. Я без фаты выходила замуж, в штабельном платье. Знаешь, для чего штабельное? Наверно, не знаешь. Вот ситец, а маненько только тут это чего-то поплелено. А у меня лучие-то и не было платья в то время» (Зап. от Ф. Г. Ко-рытчиковой, Колобово, Чкаловский р-н. 2009 г.) [45-D100-1].

Жених, если венчались, был в костюме и сапогах, так было принято. Но в послевоенные годы костюм был далеко не у всех деревенских парней. Вот что рассказывает одна женщина о том, в чем приходил ее жених на гуляния: «....у ево сапоги были кирзовые, придет — портняки видать, по-дошивы нет у сапогов. И вот таку курточку оденет, рукава коротки» (заметим попутно: ему, пришедшему свататься в таком виде, отец невесты в первый раз отказал, но позднее изменил свое решение). Приобрести костюм к свадьбе часто не было возможности, как и купить обручальные кольца, поэтому брали на венчание у того, кто в деревне имел: «Мама говорила: у них кольц не было», — рассказывала молодая женщина, на что другая, 1929 г.р., заметила: «Так не только у мамы в то время не было — у всех. Чай, в чужих кольцах венчались. Мы вот брали у Сони» (Зап. от А. В. Карповской 1929 г.р., Потёмино, Борский р-н. 2007 г.) [07-D003]. «Восковые венки? Было у одной женщины, все у нее просили» (Зап. от Г. В. Земченковой, 1950 г.р., Митрополье, Сеченовский р-н. 2010 г.) [38-D028]. «На всё село было два венчика с восковыми цветами, брали <по очереди>. Если кто венчались в церкви, кольца одевали — пока, пока венчались» (Зап. от С. Н. Новиковой) [38-D022]. По рассказам А. И. Сусорова, одного из жителей д. Антеньево Богоявленского р-на [49-3-17], в его молодости «...в деревне все парни венчались в одних сапогах, их

называли анбруски сапоги». Типичен для этого времени случай, о котором рассказывает одна из информантов: «Я не знала, что это не его костюм-то, костюм-то недорогой. И через скока-то дней пришел зять, сестрин-то муж, и на нем костюм. Я гляжу: костюм точно Колин. А я Колин-то положила в сундук, поглядела в сундуке, а в сундуке-та нету. Значит, он в нем на свадьбе был и в рубашке затевой» (Зап. от Н. В. Мавриной) [04-D012]. Подобная ситуация: «Мам, скажи, как замуж выходила? Отец-то в чужой рубахе на свадьбе, ты говоришь, был? — Ну, как это! Ему дядя дал рубаху: я не знаю, уж чужка она, не чужа» (Зап. от А. П. Пысиной, 1925 г.р., и ее дочери, Вершилово, Чкаловский р-н. 2008 г.) [45-D097-2]⁴.

Е. Д. Абрамова, выросшая в очень бедной семье, вспоминает свою юность: «Когда праздник придет: “Мама, не в чем идти-то на праздник-то, в чем идти-то?” — “Ну а где я вам возьму? Где я вам возьму?!” Тогда работали за копейки». Ее свадьбу в послевоенное время отмечали тоже по-бедному («мы сделали свадьбу небольшую»): посватали ее («мать <...> да ёгона двоюродна сестра, приходили»), потом сходили с женихом в ЗАГС, посидали в ее доме за столом и ушли «своими ногами» жить к его родителям — увозить было нечего: «Не много приданого-то было, ничего не было. Я вот тогда никому ничё не дарила, нечего было». По ее рассказам, на свадьбе удалось еще сэкономить: стол накрывали вместе для двух пар, регистрировавшихся одновременно. И хотя никаких обрядов из традиционной свадьбы не было до регистрации, на второй день в доме мужа без традиционных ритуалов не обошлось: известная о непорочности невесты, украшали красными тряпичками веник и били горшки: «А веник вот наряжали, да, у нас тоже наряжали ёго, за веник плати. Да, мы горшки били» (Зап. от Е. Д. Абрамовой, 1925 г.р., Слободки, Чкаловский р-н. 2007 г.) [39-D027]. Сходно развивались события и на свадьбе Е. П. Скворцовой, выходившей замуж в те же годы,

⁴ Подобного рода случаи давали материал для устных рассказов, в которых событие излагалось уже в обобщенной форме и не прикреплялось к определенному месту и лицу: «Пришли сватать — жених-то вроде в сапогах. Свадьба прошла — одни за сапогами пришли, другие за пиньжаком. Жених остался голый» (Зап. от М.Н. Калининой, 1926 г.р., Кичанзино, Арзамасский р-н. 2007 г.) [02-D020].

но совсем в другом районе. Ее посватали и сразу увезли к мужу, даже без регистрации: «Этим же вечером меня с приданым собрали и повезли к нему. Кровать, матрас, там подушки две, одеяло — приданое. Привозят невесту, там положат ее спать с женихом. Молодых укладывали, да. Надевашь таку чистую рубашку, и эти свахи присутствуют. Вот, две старухи с его стороны. А с моей стороны была сестра моя, моложе меня, но она вышла замуж раньше. И утром пришли, поднимали, чтобы мы, мол, с постели не вставали, они уж сами нас поднимут. И простынь каки, и рубашку... Утром тогда бани топили, что как омыть молодых. А мы вот не мылись, только руки помыли да и всё, умылися. Когда в бане были, стучали, кидали, ружьем стреляли у нас, а потом молодых-ту... выйдут из бани-то — санки привезут да на санках повезут к избе-то. Он пальтишко одел да пальтишком меня укутал. Черепки били, как невесту привезли» [23-D097]. Итак, не было довенчальных ритуалов: сбора подруг ряженья елочки-красоты и затем ее продажи жениху, характерных для данной традиции, выкупа невесты и т.п., но ритуалы послевенчальные были соблюдены, кроме тех, что происходят

во время застолья (ломание кокур и др.), возможно, потому, что застолья не было или было оно скучным и потому сокращенным. В южных районах области при отсутствии обрядов до регистрации обязательно на второй день после нее «искали ярку». По рассказам А.Ф. Комисаровой, которая выходила замуж в свою же деревню, без всяких ритуалов («с этого порядка на тот перевели, и всё. Никаких подарков у нас не было»), встречали в доме мужа по старинке: «Бросали зерно. А как же, благословляли. На второй день приходили наряжены и, значит, искали молодых, молодых прятали — они искали молодых: ну, чай, и в доме, во дворы, в стенках, по чуланам» (Зап. от А.Ф. Комисаровой, 1924 г.р., Верхнее Талызино, Сеченовский р-н. 2010 г.) [38-D035].

Некоторое экономическое оживление началось в деревне в 1960-е гг., оно повлияло и на свадебную обрядность. Потом наметился в обществе интерес к традиционной культуре, делались попытки создать новую советскую обрядность, теперь уже с использованием традиционного наследия. В организацию свадеб на селе включались работники учреждений культуры, в село приходила городская мода. Но это уже особая тема.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доктор филологических наук, профессор, руководитель Фольклорного центра Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского: Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23; тел.: +7 (831) 433-82-45; e-mail: korvic@list.ru

RUSSIAN WEDDING IN THE MIDDLE OF THE 20th CENTURY (EXEMPLIFIED IN THE RECORDINGS FROM NIZHNIY NOVGOROD VOLGA REGION)

KLARA KOREPOVA

(Nizhniy Novgorod State University named after N.I. Lobachevskiy:
23, Gagarin av., Nizhniy Novgorod, 603950, Russian Federation)

Summary. The research deals with numerous recordings among rural population, namely people who entered marriage in the midst of the preceding century, recorded by folklore researchers of the Nizhniy Novgorod State University through various years. It is stated, that the praxis of marriage notification, restricted to registration by authorities without ritual ceremonies, that had been developed in the 1920–1930 decades, kept appearing still in the midst of the 20th

*century, but peoples' attitude to this praxis turned to be rather dismissive. It is demonstrated by the folk term: *spisalis* "they wrote themselves / have got written together". Thus there in the rural localities people tried to adhere tradition. Tradition, which was remembered enough by elderly generations, was maintained, but undergoing transformation. Rituals with communicative essence have dropped out from the wedding ceremony, namely certain meetings between groom's and bride's counterparts, such as "propoy" — the drinking away of the bride or the visit to the groom's home by bridesmaids. Due to monetary reasons, "sgovor" — the arrangement as a ritual related to financial resourcing, was lost, as well as gift ceremonies. Proposal of marriage was maintained in the forms, peculiar to local traditions, as well as parents blessing, Bogomolye the prayer, public announcement about bride's virginhood and a small feast. New trends of development appeared in the 1960–1970s decades due to rise of prosperity and recovery of the interest to the traditional culture in the society.*

Key words: wedding ritual, the midst of the 20th century, Nizhniy Novgorod Volga Region.

Acknowledgements: this research is supported by Russian Fund for Humanities No. 15-04-00549.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail korvic@list.ru

Tel.: +7 (831) 433-82-45

23, Gagarin av., Nizhniy Novgorod, 603950, Russian Federation

Full Professor (Philology), chief of the folklore department, Nizhniy Novgorod State University named after N.I. Lobachevskiy

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА и КРЫМСКИЙ ЦЕНТР ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

выпустили в свет первую книгу из серии

ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ:

Тарикат Ясавийя и Крым. Сулейман Быкыргани: дастаны и хикматы /
Вступительный очерк, перевод и комментарии Л. В. Бахревского. — М.:
Государственный республиканский центр русского фольклора, 2015. — 208 с.

Сулейман Бакыргани — наиболее плодотворный поэт-суфий тюркского тариката ясавийя. Шейхи-ясавиты сыграли главную роль в обращении в ислам правящего класса Золотой Орды и в утверждении ислама в Крыму. Сулейман Бакаргани — автор коротких наставительных стихов-хикматов и более длинных поэм-дастанов, посвященных сюжетам, важным для усвоения основ мусульманской религии.

Тексты стихов приведены в латинизированной графике с переводом на русский язык и комментариями. Этому предшествует раздел о тех следах, что оставил тарикат ясавийя в истории Крыма, а также ознакомительный очерк о суфизме, как явлении духовной культуры. Издание предназначено специалистам в области традиционной народной культуры, а так же широкому кругу читателей, интересующихся фольклором и традицией.

Руководитель проекта А. В. Ефимов

Приобрести книгу можно по адресу:

119034, г. Москва, Турчанинов пер., д. 6. Тел.: +7 (499) 245-15-26